

Антропологические аспекты гибридной войны как войны нового поколения

Ковалев Андрей Андреевич

кандидат политических наук, доцент, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0000-0002-7760-5732. E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

Аннотация. Военная антропология как отдельная научная дисциплина в отечественной науке сформировалась в 2000 г. С тех пор она развивалась, дополнялась новыми знаниями, однако вызовы гибридной войны поставили перед исследователями новые задачи, которые подвигли научное сообщество сформировать новое направление военной антропологии, антропологию гибридной войны. Войны нового поколения – гибридные войны – характеризуются отсутствием четких и даже условных границ между состоянием войны и состоянием мира, когда человек находится в неопределенной позиции, а антропология войны существенно усложняется. Цель исследования – рассмотреть место и роль человека в гибридной войне современности. В работе были использованы исторический подход, а также методы систематизации и концептуализации. В настоящее время понятие «война» и подходы к его изучению меняются, по этой причине целесообразно говорить о новой философии войны. При этом роль человека по сравнению с ролью техники (оружия) в новых войнах стала первичной. Сознание и под-сознание человека становятся главными мишенями в новых войнах. Именно поэтому человеку необходимо не только найти свое место в доминирующей гибридной реальности, но и защититься от ее возрастающих вызовов и угроз. Ввиду важности вопросов, изучаемых в настоящем исследовании, полученные результаты имеют научно-прикладную значимость, а перспективность дальнейшего рассмотрения и осмысления данной проблематики объясняется прогрессирующим усложнением и совершенствованием гибридной войны и необходимостью поиска способов противодействия ее проявлениям с целью защиты человека.

Ключевые слова: гибридная война, гибридный мир, технологии войны, человек, безопасность, сознание, управление, манипуляции.

Введение. Современность характеризуется состоянием гибридности, под которой подразумевается размывание границ между миром и войной. Если раньше война (как понятие и как состояние) и место человека в ней были однозначно определены и понятны, то в XXI в. соотношение человека и войны уже не выглядят столь однозначными. Человек окружен новыми технологиями, комфортом, быстрой связью, он мобилен и о многом осведомлен, но он также осознает, что все эти «блага цивилизации» создают для него невидимую угрозу, не до конца осознаваемую, но все же присутствующую. Человек больше не уверен в том, война идет в тот или иной момент, перемирие или полноценный мир. Эти категории устарели, в настоящее время человек погружен в гибридную реальность, которая не война и не мир, и в то же время и война, и мир.

Такое положение создает неопределенность, хаос, дискомфорт и желание все-таки понять, в каком мире находится современный человек, какое место он занимает в этом мире, какие от него исходят угрозы и как их преодолеть. Раньше на все эти вопросы пыталась ответить философская антропология, а позднее и образованная от нее военная антропология. Однако эти дисциплины уже не могут дать адекватные ситуации ответы на извечные вопросы, поэтому целесообразно в настоящее время развивать такую отрасль научного знания, как антропология гибридной войны. Она позволит и осмыслить сам феномен гибридной войны, и место человека в новой гибридной реальности, и наметить дальнейшие пути развития человека в ней.

Цель исследования – рассмотреть место и роль человека в гибридной войне современности.

В работе были использованы следующие научные методы и подходы: исторический подход, позволяющий проследить преемственность философского знания о феномене войны и его трансформациях даже при его изменении с течением времени под влиянием различных факторов; метод систематизации, благодаря которому война в разных ее проявлениях признается единым объектом философского осмысления; метод концептуализации, согласно которому человек рассматривается как центральное звено гибридной войны, нуждающееся в изучении.

Ряд авторов считают феномен гибридных войн не новым и не требующим серьезных научных и прикладных усилий, чтобы его осмыслить. Среди таких исследователей Л. Л. Ломако и К. Г. Мальцев [14], И. Чубаров и Ю. Апполонова [27] и ряд других. Однако такие ученые, как Я. Даниэль и Я. Эберле [28], А. М. Ильницкий [10], М. Калдор [29], Родачин [20] и др., интенсивно изучают антропологию войны, в том числе гибридную, и стремятся осмыслить место человека в этом процессе. При этом стоит отметить, что исследования антропологии гибридной войны находятся в настоящее время в стадии становления, так как сам этот феномен вызывает множество вопросов. Поэтому изучение данного направления довольно перспективно и с научной, и с прикладной точек зрения.

Войны нового поколения характеризуются отсутствием четких и даже условных границ между состоянием войны и состоянием мира, когда человек находится в неопределенной позиции, а антропология войны существенно усложняется.

Философия войны. Философия войны – это направление, которое посвящено изучению вопросов войны и всего, что с ними связано; это определенный инструментарий ведения военных действий, то есть некая теоретическая концепция войны, отраженная в реальной действительности [8, с. 370]. Несмотря на давность своего происхождения, это направление всегда востребовано и актуально. В настоящее время понятие «война» и подходы к его изучению меняются, по этой причине целесообразно говорить о новой философии войны. Если в прежние времена ключевой целью войны было порабощение и захват территорий, то в настоящее время основная цель войны – это контроль (политический, финансовый, экономический, информационный и т. д.) [2]. Иными словами, физическое уничтожение не является приоритетом в войне XXI в. Именно поэтому и методы войны, и ее участники будут претерпевать качественные изменения для достижения главной цели.

По справедливому утверждению коллектива авторов, изучающих новую философию войны, роль человека по сравнению с ролью техники (оружия) в новых войнах стала первичной. При этом такие войны размыты во времени. Они не нацелены на разрешение назревших противоречий, на достижение и поиск компромисса. Напротив, «они ведут не к разрешению конфликтов, а к их усугублению, расширению зоны воздействия, увеличению количества участников конфликта и т. д.» [7, с. 19]. То есть такую войну можно назвать непрерывной, в ней человек не уничтожается и не поработается, а программируется (или перепрограммируется). Это становится возможным благодаря способности манипулировать сознанием, как массовым, так и индивидуальным. Таким образом, философия новых войн базируется на следующих положениях: 1) война нового поколения носит скрытый характер; 2) она не объявляется заранее; 3) невозможно точно определить участников такого противоборства, поэтому отсутствует возможность и привлечь ту или иную сторону к ответственности; 4) широко используются невоенные методы; 5) главная цель таких войн – это распространение влияния и контроль противника во всех сферах за счет подавления его воли; 6) усиливается значение антропологического фактора.

Итак, антропологический фактор является одним из ведущих среди тех, что определяют сущность войны нового поколения. В связи с этим особое значение начинают приобретать теории, связанные с исследованием роли человека и общества в войнах нового типа. Например, одним из направлений этих теорий является рассмотрение борьбы смыслов как одного из аспектов войн нового поколения [9].

Таким образом, новые войны в антропологическом измерении являются разнонаправленными. Они несут в себе свойства информационного, психологического, интеллектуального, ментального противостояния, кибервойн. Такие войны сочетают в себе методы классической и неклассической войны, используют как военные, так и невоенные методы. А в совокупности разные направления новых войн составляют так называемые гибридные войны.

Сущность гибридных войн. Категория «гибридная война» (hybrid warfare) является мультидисциплинарной и изучается такими науками, как социология, политология, философия, юриспруденция. Единого и однозначного определения данной категории не существует, при этом в имеющихся описаниях делается акцент на тех или иных значимых свойствах и характеристиках этого феномена. В первую очередь гибридная война – это война, то есть противоборство, крайняя степень противостояния, которые организуются для достижения определенных целей. Так, видный теоретик войны Карл фон Клаузевиц под войной понимал «продолжение политики, только иными средствами» [12, с. 55–56]. Таким образом, война позволяет добиваться политических целей с привлечением иных средств.

В настоящее время войну следует определить «в виде постоянно трансформирующегося комплекса боевых и информационных средств достижения политического, социального и экономического превосходства, установления типа правоотношений, позволяющего достичь вполне "законным" способом стратегических интересов» [1, с. 69–70]. При этом важно отметить, что современная война отходит от традиционного ее понимания. В этом процессе меняются и участники (это необязательно суверенные государства), и методы (происходит сочетание военных и невоенных инструментов), и пространство (современные войны проходят и на физическом, и на нефизическом поле боя), и временные рамки (война XXI в. зачастую является необъявленной и без четкого окончания), и субъектно-объектные роли (зачастую сложно определить, кто является объектом, а кто – субъектом, при этом эти роли нередко меняются между акторами-участниками).

Итак, латинское слово «hibrida», от которого произошло слово «гибридный», означает «помесь», «смешение». Изначально оно использовалось в зоологии и ботанике для обозначения результата процесса скрещивания разных видов и сортов животных и растений. Однако в последующем этот термин стал междисциплинарным. В общественных науках это понятие закрепилось благодаря стремлению выразить и описать всю сложность современного мира. Действительно, такой неподдельный научный интерес в настоящее время гибридные войны и их изучение вызвали «в связи с формированием новой, сложной и турбулентной среды безопасности, провоцирующей нестабильность, военно-политическую напряженность и многообразие форм военных конфликтов» [20, с. 103]. Иными словами, гибридная война стала естественным состоянием современного мира.

Впервые термин «гибридная война» был использован на рубеже 1990-х – 2000-х гг. американскими военными. Гибридные войны стали предметом исследований в последние несколько десятилетий, хотя сам принцип ведения войны, основанный на гибридности (смешанности методов), имеет давнюю историю. Так, среди невоенных способов достижения военных целей можно отметить подкуп, обман, хитрость и пр. Очевидно, что такие инструменты были доступны участникам военных конфликтов и в прежние времена. Об этом, в частности, писали Сунь-Цзы [24], Нику Попеску [33], Вильямсон Мюррей и Питер Мансур [32] и др. Очевидно, что такой невоенный арсенал средств для достижения военных целей нельзя назвать полноценной гибридной войной, поэтому справедливо было бы придерживаться той позиции, что гибридная война – это продукт современного периода развития человечества. Во-первых, раньше невоенные методы в традиционных войнах использовались как вспомогательные средства; во-вторых, разнообразие инструментария современных гибридных войн намного превосходит возможности воинов прошлых времен и по масштабам, и по целям, и по ряду других параметров [20, с. 104].

Однако существует и другая точка зрения, согласно которой в феномене гибридных войн нет никакой новизны. Так, не все исследователи признают состоятельность и самого феномена гибридной войны, и тех его определений, которые имеются в социально-гуманитарных и философских исследованиях. Например, доктор философских наук Ю. Ю. Першин констатирует, что гибридная война наделала много шума из ничего [17]. По мнению ученого, введение и широкое употребление понятия «гибридная война/угроза» неактуально и глубоко идеологизировано. Возможно, действительно сложно однозначно и исчерпывающе описать этот неоднозначный феномен, который получил условное название «гибридная война», однако и отрицать возможность его использования не совсем рационально. Очевидно, что мир усложнился, и современный человек испытывает множество сложностей и подвергается разным угрозам, которые раньше не существовали. А чтобы противостоять этим угрозам, необходимы качественная научная проработка и философское осмысление этого нового антропологического состояния, чтобы хотя бы условно наметить очертания и характеристики этого состояния и его последствия.

Важно отметить, что в последнее десятилетие стало очевидным, что успех гибридной войны напрямую зависит от того, насколько субъект гибридной атаки осведомлен о ее объекте. Дело в том, что без соответствующих знаний о том обществе, на которое планируется гибридная атака, она не будет иметь успех. К таким знаниям относятся представления о культуре этого общества, его традициях, ценностях, уровне ментальной устойчивости и ряде других важнейших параметров, которые определяют идентичность данного общества. То есть ключевым объектом воздействия в гибридной войне становится общество, а также отдельный человек и его сознание.

Важно отметить, что под гибридной войной понимается множество подвидов различных противостояний. Такие противостояния именуется невоенными, асимметричными, нетрадиционными, неклассическими и т. д. При этом главным отличием гибридной войны является ее неконвенциональный характер, то есть такая война ведется не по нормам международного права. Также существенным отличием гибридной войны является отсутствие поля боя (фронта), который остается главным атрибутом классической войны. Однако в контексте настоящего исследования важно обратить внимание на то, что гибридные войны направлены не только на правительственные войска и их уничтожение (или подконтрольность), но и на гражданское население. При этом подобное воздействие может носить как физический, так и нефизический характер, может применяться и в условиях военного времени, и в период отсутствия военных столкновений. Например, одним из самых действенных направлений гибридной войны является информационно-психологическая война, которая благодаря Интернету приобрела практически неограниченные возможности. Также здесь следует отметить кибервойны, экономические и культурные санкции, попытки политической изоляции и ряд других [30].

Одним из важных и интересных направлений изучения гибридной войны является ее осмысление с позиции теории справедливой войны, о которой в свое время рассуждали Ф. Аквинский, Г. Гроций, И. Кант и многие другие мыслители. Основными критериями справедливой войны считались сопротивление вооруженному нападению, защита мирного населения и некоторые другие. Однако гибридную войну довольно сложно идентифицировать с точки зрения справедливости и несправедливости. Так, антрополог Н. Скорин-Чайков пишет о гибридном мире и называет его новой нормальностью, в которой использование военной силы и военного насилия оправданно и возможно. При этом он ссылается на работы К. Шмитта, в которых немецкий философ отмечал, что в качестве ответа на подобные неконвенциональные (незаконные) способы ведения войны (он, в частности, изучал партизанское движение) можно избрать любые меры [22, с. 58]. Иными словами, согласно этой теории, гибридная война представляет собой любые средства нападения и любые ответные меры, не регулируемые какими-либо правилами и законами.

Таким образом, процесс концептуализации понятия «гибридная война» является сложным и неоднозначным. Один из основоположников изучения категории «гибридная война» Ф. Хоффман отмечал, что основным критерием такой войны является асимметричность, когда сосредоточенность на фронте классической войны сменяется приоритетностью партизанской деятельности, проведения диверсий (главным образом информационных), а также работы с населением [31]. В результате «в гибридной войне происходит оттягивание сил одного из противников от основного театра войны и создание затруднений социального характера, препятствующих эффективному управлению армией и взаимодействию со своим народом, а также нарушению функционирования социальных институтов и сфер общественной жизни, размыванию основ культуры» [13, с. 44]. Действительно, такие подходы к ведению войны усиливают влияние антропологического фактора в настоящее время. По большей части этот эффект достигается за счет того, что пространство противостояний наполняется борьбой за сознание людей и сферу символического. Борьба смыслов и идей становится ключевой областью того направления гибридной войны, которое непосредственно влияет на человека.

Гибридная война и гибридная действительность стали реальностью XXI в. Главная проблема для современного человека в контексте гибридной войны заключается в размытости состояний войны и мира, когда возникает непонимание – война это или мир. Отсюда возникает еще одна сложность, смысл которой сводится к тому, что необходимо принять настоящую реальность не как войну или мир, а как их сочетание (или смесь). Классические представления о войне и мире сейчас не работают, они только вводят в заблуждение человека, который отказывается верить в то, что война уже началась и идет весьма интенсивно [10].

Современная философия подвергает сомнению ранее не оспоримый с позиции традиционной метафизики онтологический постулат о том, что мир – олицетворение гармонии, упорядоченности и единства всего сущего, а война – это процесс, который заново создает миропорядок (то есть разрушает старый и создает новый) и может достигать состояния хаоса. Война и мир смешались так, что утратили свою изначальную суть, сейчас они «втянуты в общее блуждание и, нераспознаваемые из-за отсутствия Различия, растворились в пустом процессе нарастающего манипулирования всем, чем можно манипулировать» [4, с. 32]. Такая постановка проблемы осмысления сути войны и мира в XXI в. остро актуализирует антропологию войны нового поколения, то есть гибридной войны.

Антропология гибридной войны. Военная антропология как научная дисциплина стала активно развиваться с 2000 г. (год создания новой научной дисциплины), в первую очередь опираясь на культурную и социальную антропологию [3, с. 85]. Человек, общество и культура признаются объектом этого научного направления. И если военная антропология классической войны в качестве предмета выделяла взаимодействие военной культуры с природной средой, личностью, обществом, другими военными культурами, то в период стремительного развития гибридных войн он [предмет] наполняется новыми смыслами. Так, для военной культуры классической войны первостепенное значение имеют представления человека о войне как вооруженном противостоянии, где имеется четкое различие военного и мирного времени. Как раз этого не наблюдается в войне нового поколения. Именно поэтому антропология войны претерпела значительные изменения и в настоящее время значительно отличается от исходного варианта.

Доктор философских наук, профессор Ф. И. Гиренок справедливо делит войну на внешнюю и внутреннюю, где внешняя война – это апогей противостояния «мы» и «они», а внутренняя – это противостояние «мы» и «вы». Что автор подразумевает под «вы»? «Вы» – это люди среди нас («мы»), похожие на нас («мы»), но не «мы». В контексте современной России «мы» – это народ, «вы» – это элита (интеллигенция, эксперты, интеллектуалы), которая лишает народ языка, твердых убеждений и простых мыслей [6, с. 253]. Противостояние России и Украины – это переход внешней войны во внутреннюю. По мнению ученого, победа во внутренней войне возможна только благодаря обновлению общества, и это в первую очередь относится к элитам. Для российского народа власть-предатель – это и есть поражение во внутренней войне. Для народа России государство должно быть духовным предводителем, а не «ночным сторожем» (как на Западе), заключает философ.

Итак, в XXI в. человек по-новому осознает себя в пространственно-временном измерении, что касается также и военной сферы. В эпоху гибридных войн антропология войны иначе рассматривает человека, его место и роль в данном контексте. Изменение антропологического фактора в гибридных войнах происходит по большей части за счет возросшей роли виртуальной реальности. Поэтому наряду с физическими и психическими показателями человека большое значение имеют и ментальные характеристики. В таких условиях размываются признаки человеческого в человеке, меняется его идентичность и самосознание. Это касается и непосредственно актов боевого действия (например, управления БПЛА), и процесса жизнедеятельности гражданского населения. Таким образом, «теперь военное противостояние – это забота не только избранных воинов и обслуживающего персонала, но вообще всех граждан, против которых ведется война» [25, с. 9].

Ментальное противостояние, которое является важнейшей частью гибридной войны, не спонтанно и не ситуативно, напротив, оно спланировано заранее, а подготовка к нему долгая, кропотливая и, возможно, даже более затратная и сложная, чем к классическому боевому столкновению. Первым этапом подготовки к ментальной войне становится оценка уязвимости гуманитарной сферы (философских, психологических и антропологических вопросов жизнедеятельности) общественной безопасности [5, с. 54]. Иными словами, ментальная война становится возможной тогда, когда благополучие человека в рамках общественной безопасности вызывает множество вопросов и не может быть обеспечено должным образом. При этом для повышения эффективности ментальных атак в рамках гибридных войн используется не столько классическая пропаганда, сколько техники манипулирования сознанием человека. Так воздействие на эмоционально-чувственный уровень сменилось воздействием на бессознательный уровень. Однако исходной целью по-прежнему остается стремление управлять поведением человека.

Е. С. Сенявская, профессор, ведущий научный сотрудник Института военной истории РАН, видный представитель отечественной научной мысли, посвященной изучению военной

антропологии, отмечает, что специальная военная операция РФ на территории Украины пополнила и без того обширный список основных направлений и ключевых проблем военной антропологии. Среди них: 1) юридическая неопределенность участников военного конфликта за счет массового привлечения иностранных наемников; 2) новые виды и формы волонтерского движения; 3) возможности Интернета для освещения событий; 4) усиливающееся влияние информационной войны и меняющиеся техники ее проведения, воздействующие на массовое сознание; 5) особенности поколения, выросшего в экстремальных военных условиях (например, это актуально для детей Донбасса); 6) психологическая разнородность разных категорий военнослужащих (профессиональных военных, мобилизованных, добровольцев, контрактников, ополченцев, членов ЧВК) [21, с. 48–49]; и некоторые другие.

Важно отметить, что на непосредственном поле в рамках войны нового поколения боя антропологический фактор вполне понятен и осознаваем, он по большей части схож с классическими войнами (с рядом изменений, характерных для конкретной эпохи), меняющими психику человека, его мировосприятие, переосмысление жизненных приоритетов и пр. Однако нефизическая (некинетическая) часть гибридной войны, которая в XXI в. приобретает все большее значение, расширяет антропологию войны до глобальных масштабов. Фактически фронта и тыла в таких войнах нет, поэтому имеет смысл рассматривать гибридную войну как тотальную (в том числе глобальную). В этом контексте необходимо признать, что антропологический аспект гибридной войны зависит от технологий изменения человеческого сознания и подсознания. Данное положение опирается на методологический принцип философской антропологии, согласно которому индивидуальность человека представляет собой основу эволюции общества [18, с. 36]. Именно поэтому человек (его сознание, подсознание, мировоззрение, идентичность) становится ключевым объектом гибридной войны, особенно в сфере некинетического противостояния.

Человек и гибридные войны. Гибридная война становится возможной благодаря осознанию и изучению конкретного антропологического типа, который, по мнению философа М. В. Масловой, становится пространством гибридного противостояния. Она точно подмечает главную тенденцию последних десятилетий, согласно которой «Запад позиционирует себя в качестве единственного гаранта обеспечения гуманитарной безопасности в современном мире. На наших глазах монополия на гуманитарное знание и права человека превращаются в оружие гибридной войны» [15, с. 81]. Таким образом, изучение человека во всех его проявлениях становится главным оружием против него самого. Гуманитарные науки, востребованные в настоящее время, не просто помогают человеку понять самого себя и найти смысл своего существования, но и несут серьезную угрозу его благополучию и безопасности. Особую опасность несет раскрытие духовной природы человека с целью вмешательства в нее. Тем самым манипуляция сознанием человека становится основной технологией новой войны.

Основная цель гибридной войны – посягательство на гуманитарную безопасность, уничтожение природы человека и ее замена неестественными практиками, одной из которых является создание постчеловека. Так происходит своеобразное расчеловечивание, когда человек лишается своих корней, отрывается от культуры, перестает опираться на естественные законы существования, отвергая даже биологическую сторону своего бытия. Основным принципом расчеловечивания становится изменение (упрощение) потребностей человека за счет сосредоточенности на материальном и деградации духовной сферы. Это делается для того, чтобы человек был низведен до примитивных, предсказуемых форм, которыми легко управлять. «Мы живем в обществе, в котором грубые психиатрические симптомы – именно те симптомы, которые принадлежат настоящей психиатрии, выдаются за эталоны моды и поведения» [23, с. 115]. При этом процесс расчеловечивания обладает признаками институционализации, системности, длительности. Так создается обстановка управляемого хаоса, хаос – для людей (человека), управление им – для субъектов гибридной войны.

В таких условиях бытия современный человек испытывает сложности в процессе конструирования собственной идентичности, которая также становится целью гибридных атак. Традиционные схемы формирования идентичности (национальные, расовые, гендерные, политические и мн. др.) стремительно теряют свою значимость, им на смену приходят совершенно иные модели. Так, идентичность в настоящее время все менее ориентируется на естественные критерии и процессы и все чаще опирается на сферу социального конструирования [16, с. 111]. Именно в таких условиях, в которых естественные основания для объединения утрачивают актуальность и какую-либо ценность для человека, проще оторвать его от корней, от естественных начал и направить его на путь искусственных привязанностей.

Безопасность в эпоху гибридных войн. В условиях активизации гибридных войн становится очевидным, что национальная безопасность современного государства нуждается в корректировке с учетом тех угроз, которые она несет. Для России это становится как никогда актуально. Именно поэтому наше государство взяло курс на сбережение народа России и развитие человеческого потенциала [26]. Государство должно в первую очередь обратить внимание на такие нуждающиеся в укреплении и усовершенствовании сферы, как военная, политическая, экономическая, гражданская, информационная [19, с. 96]. Это означает, что, помимо привычных областей, необходимо укреплять еще и те сферы, которые на первый взгляд кажутся оторванными от войны. Так человек и пространство его существования становятся важной частью обеспечения национальной безопасности государства в условиях гибридных войн.

Человеку необходимо возвращать основу его существования, то есть возрождать естественные законы, согласно которым человек является человеком (с биологической, социальной, культурной, ментальной и прочих сторон). В этом могут помочь традиции, культурный код, национальный менталитет, историческая правда, естественные принципы формирования идентичности и прочие атрибуты человека. Дальнейшее культурное развитие нации по собственному сценарию, а не по навязанному шаблону вестернизации, может продемонстрировать населению ценность уникального, а не универсального. И в первую очередь миссия по духовно-нравственному возрождению россиян и России ложится на государство как консолидирующую силу, которая обязана идеологически (идейно) сплотить народ и направлять его развитие. Однако и общество должно осознать себя не как стороннего наблюдателя происходящих исторических событий, а как их активного творца.

Сфера образования и воспитания является одной из наиболее уязвимых сторон жизни в войнах по изменению сознания, поэтому основные меры защиты человека в войнах современности должны проводиться именно там. При этом стоит согласиться с мнением А. М. Ильницкого, который убежден в том, что Россия должна отказаться от оборонительной стратегии и постепенно переходить к наступательной, чтобы продемонстрировать миру преимущества российских духовно-нравственных основ по сравнению с либерально-демократическими ценностями [11]. Действительно, необходимо научить россиянина не оправдываться за свои ценности и убеждения, не уговаривать себя или других, что они не хуже остальных, а открыто придерживаться их, демонстрировать их качество и даже распространять за пределы своего культурного и ментального пространства.

Заключение. Понимание войны в XXI в. претерпело значительные изменения. И этот процесс продолжается. Реальность, в которой существует современный человек, приобрела признаки гибридности и не может однозначно считаться ни состоянием войны, ни состоянием мира. Такую реальность можно охарактеризовать как управляемый хаос. Однако человек все отчетливее начинает осознавать меняющееся собственное место в этом мире. Гибридная война смещает фокус сознания с естественных процессов и законов существования человека на искусственные, социально сконструированные. Так человек начинает терять опору своего бытия, и в нем запускаются процессы умирания человека.

Перед антропологией гибридной войны стоит непростая и в то же время очень ответственная задача, которая призвана гармонизировать внутреннее и внешнее в человеке, материальное и духовное, а также вернуть человека в мир реальности, ограничив влияние на него виртуальности. Таким образом, сознание человека должно быть подчинено само себе, а человек должен уметь сопротивляться манипуляциям и прочим воздействиям в рамках гибридных атак. Ввиду важности вопросов, изучаемых в настоящем исследовании, полученные результаты имеют научно-прикладную значимость, а перспективность дальнейшего рассмотрения и осмысления данной проблематики объясняется прогрессирующим усложнением и совершенствованием гибридной войны и необходимостью поиска способов противодействия ее проявлениям с целью защиты человека.

Список литературы

1. Алиев Д. Ф. Гибридная война: теоретико-методологический анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2023. № 4 (66). С. 66–75. DOI: 10.26456/vtphilos/2023.4.066.
2. Багдасарян В. Э. Гражданские войны в мировом историческом процессе: факторы воспроизводства конфликтов // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 12–23. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-12-23.
3. Бажуков В. И. Философские проблемы военной антропологии // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2009. № 2. С. 84–94.

4. Бакеева Е. В. Мир и война в эпоху множественности // Новые идеи в философии. 2022. № 10 (31). С. 29–38. DOI: 10.17072/2076-0590-2022-10-29-38.
5. Балановский В. Л., Подъяконов В. М. Новая парадигма обеспечения качества жизни в условиях «ментальной войны» // Качество и жизнь. 2021. № 2 (30). С. 50–56. DOI: 10.34214/2312-5209-2021-30-2-50-56.
6. Гиренок Ф. И. Антропология войны и мира // Тетради по консерватизму. 2023. № 1. С. 247–258. DOI: 10.24030/24092517-2023-0-1-247-258.
7. Евплова Е. В., Белевитин В. А. Новая философия войны: дискуссионный аспект / А. И. Тюнин, В. Р. Якупов, А. С. Апухтин // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 18–23. DOI: 10.26140/anie-2019-0801-0002.
8. Евплова Е. В., Тюнин А. И. Новая философия войны: экономические войны / С. С. Демцура, В. Р. Якупов, А. С. Апухтин // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 369–372.
9. Изергина В. П., Изергина Н. И. Философия войны: актуальные аспекты идейного наследия И. А. Ильина // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2023. Т. 23. № 2 (62). С. 172–183. DOI: 10.15507/2078-9823.062.023.202302.172-183.
10. Ильницкий А. М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 19–33.
11. Ильницкий А. М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. 2022. № 4. С. 24–35.
12. Клаузевиц К. О войне / пер. с нем. А. Рачинского. М.: Логос: Наука, 1994. 446 с.
13. Кривко М. А. Концептуализация понятия «гибридная война» в социально-философских исследованиях // Управленческое консультирование. 2018. № 7. С. 43–48. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-7-43-48.
14. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Несколько замечаний по поводу «новизны» дискурса «новой войны»: «инновации» и традиция // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 4. С. 70–80. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-4-70.
15. Маслова М. В. Многомерность человека как основа понимания феномена гибридных войн // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 4 (13). С. 80–86.
16. Мартишина Н. И. «Новые войны» и конструирование идентичности // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 2 (15). С. 109–112.
17. Першин Ю. Ю. Гибридная война: много шума из ничего // Вопросы безопасности. 2019. № 4. С. 78–109. DOI: 10.25136/2409-7543.2019.4.30374.
18. Поликарпова Е. В., Поликарпов В. С. Технологии изменения человеческого сознания в контексте интеллектуальных войн // Философия права. 2009. № 5. С. 36–40.
19. Родачин В. М. Гибридные войны и обеспечение национальной безопасности России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 4 (40). С. 93–99. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-93-99.
20. Родачин В. М. Философия и идеология гибридной войны как феномена XXI века // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 1 (18). С. 103–111.
21. Сенявская Е. С. Военная антропология в новых исторических условиях // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45. № 8. С. 46–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.974.
22. Ссорин-Чайков Н. Гибридный мир: этнография войны // Логос. 2022. Т. 32. № 3. С. 33–62. DOI: 10.22394/0869-5377-2022-3-33-61.
23. Сундиев И. Ю., Фролов А. Б. Институциональное расчеловечивание как метатехнология социальной деструкции // Экономические стратегии. 2016. Т. 18. № 7 (141). С. 108–123.
24. Сунь-Цзы. Искусство войны: с комментариями и пояснениями / пер. с китайского В. В. Башкеева. М.: АСТ, 2019. 223 с.
25. Тебякина Е. Е. Антропология войны: новое измерение человека в эпоху гибридных войн // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2023. Т. 9 (75). № 4. С. 4–14.
26. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/cdd1e8eed2bcebb6784f447b23a23ef965850237/ (дата обращения: 18.03.2024).
27. Чубаров И., Анполонова Ю. «Старых войн» не было, или этика дронов (комментарий к статье Николая Ссорина-Чайкова) // Логос. 2022. Т. 32. № 3 (148). С. 63–106. DOI: 10.22394/0869-5377-2022-3-63-105.
28. Daniel J., Eberle J. Speaking of hybrid warfare: Multiple narratives and differing expertise in the 'hybrid warfare' debate in Czechia // Cooperation and Conflict. 2021. No. 56 (4). Pp. 432–453. DOI: 10.1177/00108367211000799.
29. Kaldor M. Commentary on Kögler: Analysing the Ukraine war through a 'new wars' perspective // European Journal of Social Theory. 2023. No. 26 (4). Pp. 479–489. DOI: 10.1177/13684310231168807.
30. Karev M. L., Monov L. B. The Concept of Hybrid Threat And Gray Zone // International Journal of Recent Scientific Research. 2018. Vol. 9. Pp. 24108–24111.
31. Mattis J. N., Hoffman F. G. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // US Naval Institute Proceedings Magazine. November 2005. Vol. 132/11/1, 233. Pp. 18–19.

32. Murray W., Mansoor P. R. Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present. Cambridge University Press, 2012. 334 p.

33. Popescu N. Hybrid tactics: neither new nor only Russian // European Union Institute for Security Studies. January 2015. Pp. 1-2.

Anthropological aspects of hybrid warfare as a New Generation war

Kovalev Andrey Andreevich

PhD in Political Sciences, associate professor, Northwestern Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. Russia, St. Petersburg. ORCID: 0000-0002-7760-5732. E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

Abstract. Military anthropology as a separate scientific discipline in Russian science was formed in 2000. Since then, it has been developing and supplemented with new knowledge, but the challenges of hybrid warfare have set new tasks for researchers, which have prompted the scientific community to form a new direction of military anthropology, the anthropology of hybrid warfare. The wars of the new generation – hybrid wars – are characterized by the absence of clear and even conditional boundaries between the state of war and the state of peace, when a person is in an uncertain position, and the anthropology of war is significantly complicated. The purpose of the study is to consider the place and role of man in the hybrid war of modernity. The work used a historical approach, as well as methods of systematization and conceptualization. Currently, the concept of "war" and approaches to its study are changing, for this reason it is advisable to talk about a new philosophy of war. At the same time, the role of man in comparison with the role of technology (weapons) in new wars has become primary. The human mind and subconscious become the main targets in new wars. That is why a person needs not only to find his place in the dominant hybrid reality, but also to protect himself from its increasing challenges and threats. Due to the importance of the issues studied in this study, the results obtained have scientific and applied significance, and the prospects for further consideration and understanding of this issue are explained by the progressive complication and improvement of hybrid warfare and the need to find ways to counter its manifestations in order to protect humans.

Keywords: hybrid war, hybrid world, technologies of war, man, security, consciousness, management, manipulation.

References

1. Aliev D. F. *Gibridnaya vojna: teoretiko-metodologicheskij analiz* [Hybrid war: theoretical and methodological analysis] // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Tver State University. Series: Philosophy. 2023. No. 4 (66). Pp. 66–75. DOI: 10.26456/vtphilos/2023.4.066.
2. Bagdasaryan V. E. *Grazhdanskie vojny v mirovom istoricheskom processe: faktory vosproizvodstva konfliktov* [Civil wars in the world historical process: factors of conflict reproduction] // *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* – Herald of State University of Enlightenment. Series: History and Political Sciences. 2018. No. 5. Pp. 12–23. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-12-23.
3. Bazhukov V. I. *Filosofskie problemy voennoj antropologii* [Philosophical problems of military anthropology] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* – Herald of Moscow University. Episode 7: Philosophy. 2009. No. 2. Pp. 84–94.
4. Bakeeva E. V. *Mir i vojna v epohu mnozhestvennosti* [Peace and war in the age of plurality] // *Novye idei v filosofii* – New ideas in philosophy. 2022. No. 10 (31). Pp. 29–38. DOI: 10.17072/2076-0590-2022-10-29-38.
5. Balanovskij V. L., Pod'yakonov V. M. *Novaya paradigma obespecheniya kachestva zhizni v usloviyah "mental'noj vojny"* [A new paradigm for ensuring the quality of life in conditions of "mental war"] // *Kachestvo i zhizn'* – Quality and life. 2021. No. 2 (30). Pp. 50–56. DOI: 10.34214/2312-5209-2021-30-2-50-56.
6. Girenok F. I. *Antropologiya vojny i mira* [Anthropology of war and peace] // *Tetrady po konservatizmu* – Notebooks on conservatism. 2023. No. 1. Pp. 247–258. DOI: 10.24030/24092517-2023-0-1-247-258.
7. Evplova E. V., Belevitin V. A. *Novaya filosofiya vojny: diskussionnyj aspekt* [The new philosophy of war: a debatable aspect] / A. I. Tyunin, V. R. Yakupov, A. S. Apukhtin // *Azimut nauchnyh issledovanij: ekonomika i upravlenie* – Azimut of scientific research: economics and management. 2019. Vol. 8. No. 1 (26). Pp. 18–23. DOI: 10.26140/anie-2019-0801-0002.
8. Evplova E. V., Tyunin A. I. *Novaya filosofiya vojny: ekonomicheskie vojny* [The new philosophy of war: economic wars] / S. S. Demtsura, V. R. Yakupov, A. S. Apukhtin // *Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya* – Azimut of scientific research: pedagogy and psychology. 2018. Vol. 7. No. 4 (25). Pp. 369–372.
9. Izergina V. P., Izergina N. I. *Filosofiya vojny: aktual'nye aspekty idejnogo naslediya I. A. Il'ina* [Philosophy of war: actual aspects of I. A. Ilyin's ideological heritage] // *Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i*

obrazovaniya – Humanities: current problems of humanities and education. 2023. Vol. 23. No. 2 (62). Pp. 172–183. DOI: 10.15507/2078-9823.062.023.202302.172-183.

10. Il'nickij A. M. *Mental'naya vojna Rossii* [The mental war of Russia] // *Voennaya mysl'* – Military thought. 2021. No. 8. Pp. 19–33.

11. Il'nickij A. M. *Strategiya mental'noj bezopasnosti Rossii* [Strategy of mental security of Russia] // *Voennaya mysl'* – Military thought. 2022. No. 4. Pp. 24–35.

12. Clausewitz K. *O vojne* [About the war] / transl. from German by A. Rachinsky. M. : Logos : Nauka (Science), 1994. 446 p.

13. Krivko M. A. *Konceptualizaciya ponyatiya "gibridnaya vojna" v social'no-filosofskih issledovaniyah* [Conceptualization of the concept of "hybrid war" in socio-philosophical studies] // *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* – Managerial consulting. 2018. No. 7. Pp. 43–48. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-7-43-48.

14. Lomako L. L., Mal'cev K. G. *Neskol'ko zamechanij po povodu "novizny" diskursa "novoj vojny": "innovacii" i tradiciya* [A few remarks on the "novelty" of the discourse of the "new war": "innovations" and tradition] // *Intellekt. Innovacii. Investicii* – Intelligence. Innovation. Investment. 2020. No. 4. Pp. 70–80. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-4-70.

15. Maslova M. V. *Mnogomernost' cheloveka kak osnova ponimaniya fenomena gibridnyh vojn* [Human multidimensionality as the basis for understanding the phenomenon of hybrid wars] // *Gumanitarnye problemy voennogo dela* – Humanitarian problems of military affairs. 2017. No. 4 (13). Pp. 80–86.

16. Martishina N. I. *"Novye vojny" i konstruirovaniye identichnosti* ["New wars" and the construction of identity] // *Gumanitarnye problemy voennogo dela* – Humanitarian problems of military affairs. 2018. No. 2 (15). Pp. 109–112.

17. Pershin Yu. Yu. *Gibridnaya vojna: mnogo shuma iz nichego* [Hybrid war: much ado about nothing] // *Voprosy bezopasnosti* – Security issues. 2019. No. 4. Pp. 78–109. DOI: 10.25136/2409-7543.2019.4.30374.

18. Polikarpova E. V., Polikarpov V. S. *Tekhnologii izmeneniya chelovecheskogo soznaniya v kontekste intelektual'nyh vojn* [Technologies of changing human consciousness in the context of intellectual wars] // *Filosofiya prava* – Philosophy of Law. 2009. No. 5. Pp. 36–40.

19. Rodachin V. M. *Gibridnye vojny i obespecheniye nacional'noj bezopasnosti Rossii* [Hybrid wars and ensuring national security of Russia] // *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* – Humanities. Herald of Financial University. 2019. Vol. 9. No. 4 (40). Pp. 93–99. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-93-99.

20. Rodachin V. M. *Filosofiya i ideologiya gibridnoj vojny kak fenomena XXI veka* [Philosophy and ideology of hybrid warfare as a phenomenon of the XXI century] // *Gumanitarnye problemy voennogo dela* – Humanitarian problems of military affairs. 2019. No. 1 (18). Pp. 103–111.

21. Senyavskaya E. S. *Voennaya antropologiya v novyh istoricheskikh usloviyah* [Military anthropology in new historical conditions] // *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* – Scientific notes of Petrozavodsk State University. 2023. Vol. 45. No. 8. Pp. 46–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.974.

22. Ssorin-Chajkov N. *Gibridnyj mir: etnografiya vojny* [Hybrid world: ethnography of war] // *Logos* – Logos. 2022. Vol. 32. No. 3. Pp. 33–62. DOI: 10.22394/0869-5377-2022-3-33-61.

23. Sundiev I. Yu., Frolov A. B. *Institucional'noe raschelovechivanie kak metatekhnologiya social'noj destrukcii* [Institutional dehumanization as a meta-technology of social destruction] // *Ekonomicheskie strategii* – Economic strategies. 2016. Vol. 18. No. 7 (141). Pp. 108–123.

24. Sun Tzu. *Iskusstvo vojny: s kommentariyami i poyasneniyami* [The Art of war: with comments and explanations] / transl. from Chinese by V. V. Bashkeev. M. AST, 2019. 223 p.

25. Tebyakina E. E. *Antropologiya vojny: novoe izmerenie cheloveka v epohu gibridnyh vojn* [Anthropology of war: a new dimension of man in the era of hybrid wars] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya* – Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies. 2023. Vol. 9 (75). No. 4. Pp. 4–14.

26. Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // ConsultantPlus. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/cdd1e8eed2bcebb6784f447b23a23ef965850237/ (date accessed: 18.03.2024) (in Russ.).

27. Chubarov I., Appolonova Yu. *"Staryh vojn" ne bylo, ili etika dronov (kommentarij k stat'e Nikolaya Ssorina-Chajkova)* [There were no "Old wars", or the ethics of drones (commentary on the article by Nikolai Ssorin-Tchajkovsky)] // *Logos* – Logos. 2022. Vol. 32. No. 3 (148). Pp. 63–106. DOI: 10.22394/0869-5377-2022-3-63-105.

28. Daniel J., Eberle J. Speaking of hybrid warfare: Multiple narratives and differing expertise in the 'hybrid warfare' debate in Czechia // *Cooperation and Conflict*. 2021. No. 56 (4). Pp. 432–453. DOI: 10.1177/00108367211000799.

29. Kaldor M. Commentary on Kögler: Analysing the Ukraine war through a 'new wars' perspective // *European Journal of Social Theory*. 2023. No. 26 (4). Pp. 479–489. DOI: 10.1177/13684310231168807.

30. Karev M. L., Monov L. B. The Concept of Hybrid Threat And Gray Zone // *International Journal of Recent Scientific Research*. 2018. Vol. 9. Pp. 24108–24111.

31. Mattis J. N., Hoffman F. G. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // *US Naval Institute Proceedings Magazine*. November 2005. Vol. 132/11/1, 233. Pp. 18–19.

32. *Murray W., Mansoor P. R.* Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present. Cambridge University Press, 2012. 334 p.

33. *Popescu N.* Hybrid tactics: neither new nor only Russian // European Union Institute for Security Studies. January 2015. Pp. 1-2.

Поступила в редакцию: 25.03.2024

Принята к публикации: 30.08.2024